

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Абрамова С.Б. — Критерии и факторы эффективности цифрового активизма в оценках экспертов // Социодинамика. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.11.69047 EDN: GAGFRR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69047

Критерии и факторы эффективности цифрового активизма в оценках экспертов

Абрамова Софья Борисовна

ORCID: 0000-0003-4010-8406

кандидат социологических наук

доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

620083, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, оф. 328

✉ sofia_abramova@mail.ru



[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.11.69047

EDN:

GAGFRR

Дата направления статьи в редакцию:

15-11-2023

Дата публикации:

22-11-2023

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема эффективности цифровой партисипации, и ставится цель определения критериев для ее измерения и выделения факторов, выступающих в качестве барьеров реализации и достижения полноценных результатов цифровых гражданских инициатив. Цифровизация изменяет практики партисипаторного участия в различных сферах, в том числе создает условия для вовлечения граждан в онлайн-формы активизма. Многоплановость понимания эффективности раскрывается в контексте специфики социальных процессов и цифровых коммуникаций. Показано, что в российском и зарубежном научном социологическом поле не сформировалось широкого и обоснованного опыта и методики изучения эффективности онлайн-форм гражданского активизма, что и определяет актуальность

темы исследования, а также необходимость методического решения поставленной задачи. Эмпирической базой исследования выступает опрос 16 экспертов в сфере цифрового активизма из 8 федеральных округов Российской Федерации проведенный в мае-августе 2023 г. Новизна работы связана с проведением на основании анализа экспертных оценок типологизации критериев эффективности цифровой партисипации: эффективность как результативность, эффективность как уровень активности и вовлечение граждан, эффективность как развитие (творчество и инновации), социальная эффективность и социальные эффекты, эффективность как диалог и развитие социального партнерства. Внутри каждого типа дается подробное описание индикаторов и цитаты экспертов, характеризующие данный показатель эффективности. Зафиксировано, что эксперты воспринимают ситуацию с развитием цифрового гражданского участия как дуальную, в которой позитивные тренды сталкиваются с барьеризирующими факторами и условиями. Определены ключевые факторы-барьеры: негативные представления об эффективности цифрового активизма, низкая информированность населения о цифровых технологиях и возможностях участия, формализации и симуляции активности граждан и др. С учетом полученных результатов, перспективы будущих исследований связаны с изучением социальных эффектов цифрового активизма, определение критериев эффективности в оценках инициаторов и участников активизма, субъектов власти и СМИ. Выделенные показатели эффективности цифровой партисипации расширяют научный аппарат исследований гражданской активности и могут быть использованы в практиках оценивания результативности и эффективности реальных проектов, грантовых заявок, выдвигаемых инициатив и трендов развития цифровой партисипации

Ключевые слова:

цифровой активизм, партисипация, эффективность, барьеры участия, экспертный опрос, гражданские инициативы, цифровые платформы, вовлечение граждан, социальные эффекты, общественная активность

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Введение. Цифровое участие активно вошло в жизнь современного человека. Партисипаторные практики развиваются в образовательной, управленческой, политической, градостроительной сферах. Исследователи разных стран обращают внимание на вопросы доступности и эффективности новых технологий – от использования цифровых приложений до цифровых игр по городскому планированию [17]. Проблематика научных дискуссий разворачивается по вопросам изменения под влиянием цифровизации интенсивности участия граждан, улучшения общественного понимания и роста внимания к социальным проблемам, изменения коммуникационных технологий взаимодействия власти и общества и ожидаемых последствий этих трансформаций [15]. Значимое влияние на рост использования цифровых технологий оказала пандемия: исследователи указывают, что это способствовало максимальному вовлечению населения и прежде всего молодежи в цифровые практики, породило

экспериментирование молодежи с новыми платформами, цифровым гражданством и цифровыми идентичностями [\[12\]](#).

Задача оценки эффективности цифрового гражданского активизма может быть представлена через выделение трех последовательных логических подзадач: определение эффективности социальных процессов, эффективности гражданских инициатив и эффективности онлайн-форм активизма.

Говоря об эффективности как о ключевом понятии в любой общественной деятельности, традиционно акцент ставится на экономическую эффективность, которая проявляется в зависимости затраченные ресурсы – эффекты (выгоды). Данный подход приближает понятие эффективности к результативности, достижению полезного результата деятельности при наличии ограниченных ресурсов. Однако здесь возникает необходимость количественного измерения результатов, что приводит к выделению более узких критериев эффективности (результативность кадровой политики, обучения персонала, рекламной кампании и т. д.) [\[8\]](#), или к введению дополнительных показателей эффективности (денежных – прибыльность, временных – длительность существования или соответствие сроков выполнения и т. п.).

Такую экономическую эффективность необходимо дополнить социальной эффективностью, в рамках которой учитываются законность решений и действий, влияние на развитие социальных объектов, влияние на потребности и интересы людей, наличие обратной связи, авторитетность управленческих решений, правдивость информации, передаваемой участникам процесса и ряд других. [\[7\]](#) Социально ориентированные проекты могут иметь расширенное понимание эффективности: как достижение поставленных целей, как способность обеспечить необходимые ресурсы для длительного и устойчивого развития, как удовлетворенность участников процесса и как соответствие нормативу, мировой практике или иному выбранному эталону [\[6\]](#). Здесь необходимо говорить об эффективности, с одной стороны, как показателе организации внутренней деятельности субъекта-инициатора социальных проектов, а с другой – о внешней эффективности в виде социальных эффектов. Социальные эффекты указывают на широкий спектр внеэкономических результатов, влияющих на благополучие людей и окружающую среду [\[13\]](#), и выступающих следствием как явных, так и латентных функций деятельности НКО, социальных предпринимателей, общественных движений и гражданских активистов. Методическая сложность и отсутствие сложившихся научных традиций изучения социальных эффектов определяют ограниченный исследовательский опыт в данном направлении [\[3\]](#).

Анализ дискуссионного поля проблематики эффективности гражданской / общественной активности позволяет конкретизировать показатели и выделить несколько основных контекстов рассмотрения: эффективность как уровень гражданской активности и отражение степени вовлеченности граждан в общественные действия; как уровень мобилизационного потенциала; как результативность диалога власти и общества; как эффективность инструментов / механизмов / форм гражданской активности; как эффективность процесса формирования гражданской активности у населения [\[1\]](#).

В свою очередь, оценка эффективности практик цифровой партисипации предполагает учет преимуществ и недостатков, присущих онлайн-коммуникации в целом, а также цифровым формам активизма. Так, исследователи указывают, что онлайн-инструменты выступают скорее механизмом повышения эффективности ряда показателей активизма, в то время как сама общественная деятельность разворачивается преимущественно в

оффлайн-пространстве [2]. При этом, как отмечает Н. В. Нятина с коллегами, активность граждан включается в повседневные, рутинные практики, а мобилизация их участия с помощью цифровых технологий становится легче, быстрее, реактивнее [5].

Задача изучения эффективности цифрового активизма сталкивается со сложностями определения как самих показателей, так и сбора данных для их измерения / оценивания. Можно говорить о недостаточности примеров проведенных оцениваний, которые могли бы выступать эталоном / методической рамкой, о субъективной вариации использования и анализа показателей эффективности, об отсутствии или недоступности данных о числе пользователей, результатах проектов, масштабе и величине социального эффекта и т. п. Все обозначенные проблемы определили цель исследования – выявить критерии эффективности цифровой партисипации, а также факторы, препятствующие эффективной реализации онлайн-активизма.

Методология исследования. Основой статьи выступает авторское исследование, проведенное в мае-июле 2023 года была в виде серии из 32 глубинных интервью с экспертами, включенными в процесс цифровой партисипации молодежи. В качестве экспертов были привлечены 16 информантов в области цифровизации, представители структур, обеспечивающих взаимодействие граждан с органами власти и местного самоуправления, преподаватели вузов, политологи, представители молодежных направлений политических партий (репрезентирующих модель изменения «сверху вниз»), а также 16 экспертов, репрезентирующих модель изменения «снизу вверх»: гражданские активисты в различных сферах (спорт, молодежные фестивали, образование и др.), представители молодежных организаций и движений, активисты гражданских площадок в Интернет. Территориальный охват выборки экспертов включает по 4 эксперта из 8 федеральных округов Российской Федерации: Северо-Кавказский (СКФО), Северо-Западный (СЗФО), Центральный (ЦФО), Южный (ЮФО), Сибирский (СФО), Уральский (УрФО), Дальневосточный (ДВФО), Приволжский (ПрФО). Все интервью и основанные на них цитаты конфиденциальны. В качестве дополнительного метода использован кейс-анализ 4 краудсорсинговых платформ для решения актуальных социальных проблем: Российская общественная инициатива, Госуслуги. Решаем вместе, Демократор, Change.org.

Основные результаты. По результатам проведенного исследования была проведена типологизация показателей, по которым эксперты судят об эффективности проектов, в которых они принимают участие или включенных в сферу их профессионального внимания и интересов. В ходе типологизации выделены как виды критериев эффективности, рассмотренные в теоретическом обзоре (с более развернутым и специализированным для цифрового активизма обоснованием), так и авторские виды, выделенные в ходе анализа экспертных интервью.

Эффективность как результативность

Во-первых, в достаточно традиционном понимании речь идет о достижении поставленных целей через влияние на решения властей и других участников обсуждения проблемы.

То есть определенный успех деятельности, на что-то они смогли повлиять (ЦФО, м, 31).

Успешными я считаю те, которые приносят результат, и они его приносят, потому что если взять например какие-то петиции, они результата не приносят чаще всего, по крайней мере в России их нельзя назвать успешными (СЗФО, ж, 29).

Экспертами также неоднократно подчеркивается идея о переходе цифрового

пространства, в котором разворачивается основной этап цифровых проектов, в реальное пространство, в котором проявляется социальный эффект: «интернет-активизм, но оффлайн-воздействие». Отсюда показатели онлайн-аудитории, лайков, репостов не могут выступать достоверным критерием результативности.

Чтобы действительно эти проекты могли супер реально влиять и чтобы не было так, что бюджетная организация просто заставляет своих сотрудников голосовать на тех или иных площадках. (ЦФО, м, 24).

Про эффективность нужно смотреть действительно по делам уже, не по какой-то статистике охватов там или аудитории, потому что мы знаем, что аудиторию можно нагнать или как-то завлечь. Нужно смотреть конечный результат что смогла сделать эта аудитория и что смогла сделать эта площадка (СЗФО, м, 23).

Во-вторых, выделяется показатель минимизации затрат на достижение результата – финансовых, временных, транспортных и иных. Он имеет двоякое проявление. С одной стороны – это одно из ключевых преимуществ цифрового активизма, присущее ему в силу использования цифровых технологий.

Это же не сложно – скинуть фотографию, это что-то минимальное, что не требует каких-то энергозатрат, умственных затрат, они спокойно скидывают фотографии или пишут комментарии (ПрФО, ж, 24).

С другой стороны – его успешная реализация определяется рядом условий. Во-первых, используемые цифровые площадки должны поддерживать и обеспечивать технические возможности по скорости обработки, обратной связи и пр.

Когда ты можешь онлайн подать заявку – это очень удобно. Чем когда я писала письма в разные инстанции, еще и никто не отвечает. А на портале все четко и быстро, можно сфоткать, отправить в Активный гражданин, и твой запрос тут же обработают, это конечно классно и круто (ЦФО, ж, 28).

Во-вторых, организаторы проекта должны со своей стороны быть активно включены в цифровую коммуникацию, инициировать и сопровождать ее.

Успешным пример – с помощью публикаций в социальных сетях мы всегда оперативно находим волонтеров на все мероприятия, тесно держим связь с волонтерами из других регионов, побуждаем молодежь становится волонтерами. Без онлайн это сделать было бы гораздо сложнее (УрФО, ж, 25).

В-третьих, само население должно быть позитивно настроено по отношению к цифровым практикам гражданского участия, обладать соответствующими знаниями и навыками.

Подать это в удобной форме – в форме опроса, в форме там нравится /не нравится, лайк / дизлайк. В форме обратной связи, то есть там можно прокомментировать и на комментарии ответить, если что-то не понял – спросить и тебе объяснят. Как бы вот это удобная очень форма и в наше время является, наверное, самой востребованной (УрФО, ж, 45).

Наконец, должен обеспечиваться широкий охват учреждений и властных структур формами цифрового обращения. Гражданин не должен тратить время не только на использование самого ресурса, но и на его поиск или освоение.

На самом деле цифровой активизм может реально влиять и реально изменять мир, то

есть сейчас можно и во все платформы, на все учреждения муниципальные и государственные написать в чат, в поддержку и ваше обращение обязательно услышат, дойдет до адресата, то есть совсем не обязательно кому-то звонить и т. д. (ПрФО,ж,28).

В целях расширенного рассмотрения эффективности в контексте результативности был проведен анализ четырех площадок для выдвижения и голосования за гражданские инициативы.

Российская общественная инициатива» (РОИ, <https://www.roi.ru/>) – интернет-ресурс, созданный во исполнение указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». На момент исследования указано 21692 (с 2013 года), в разделе «Решение принято» размещено 40 проектов, из которых с положительным решением – 19 (0,087% от общего числа инициатив). При этом за 2022 год – 1 принятое решение, за 2021 – 2 инициативы с решением. Последняя новость опубликована 28 сентября 2021 года. Официальная страница Вконтакте имеет 19884 подписчика (что может быть расценено как достаточно низкий уровень популярности для федерального ресурса с 10-летней историей), поддерживается активный контент.

Демократор -- универсальная площадка открытого взаимодействия граждан, политических партий, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и благотворительных организаций (Фонд «Демократор», <https://democrator.ru/>). Указано 15 074 петиции (с 2009 года), 952 петиции завершились успехом (6,3%), 300 000 решений, обжалованных в судах, 3,9 млн. поданных за петиции голосов, 4 млн. посетителей сайта ежемесячно, 2,2 млн. подписчиков. В разделе «Победы» размещены 36 публикаций (0,24% от общего числа). 11919 подписчиков Вконтакте, страница не имеет актуального контента с 2020 года.

Портал Госуслуги «Решаем вместе» (<https://pos.gosuslugi.ru/landing/>) позволяет подавать индивидуальные запросы и жалобы. Размещена информация о 13 227 638 ответах на запросы граждан, 192 691 актуальном запросе в работе, участие в опросах прошли 5,9 млн. человек. Площадка не содержит данных о результативности обращений.

Change.org – международная онлайн-платформа для размещения петиций (<https://www.change.org/>). Русскоязычный сайт (в России с 2012 года) содержит данные по всему миру: 521,2 млн. пользователей, 91 130 побед в 196 странах. Размещен отчет за 2018 год, согласно которому: в России 14,3 млн. зарегистрированных пользователей, каждый месяц в мире подается около 25000 петиций, каждый час одна из этих петиций побеждает (360 петиций в месяц, 1,44% от общего числа). Петиции с положительным решением помечаются специальным значком для визуализации, в разделе «Успехи» проведены 4 примера «ярких побед». В Вконтакте 33693 подписчика, сайт не активен с 2022 года.

Таким образом, анализ приведенных кейсов позволяет сделать вывод о недостаточно открытых данных и наполнения контента, позволяющих объективно оценить результативность петиций и обращений, платформы не уделяют этому достаточного внимания, не размещают отчетов и т. п. По предоставленным данным можно говорить о результативности в диапазоне 0,1-6,3% от поданных петиций. Официальные сайты выступают основной площадкой, социальные сети используются в качестве дополнительного ресурса, страницы Вконтакте у 3 платформ из 4 в настоящее время не ведутся.

Часть полученных на платформах данных позволяет судить также о следующих показателях эффективности, связанных с охватом, вовлечением населения.

Эффективность как уровень активности и вовлечение граждан

Многие эксперты в качестве критериев эффективности упоминают рост показателей, связанных с вовлечением населения в цифровой активизм. Именно цифровые технологии обеспечивают быстрый прирост числа вовлеченных за короткое время.

Все мы знаем успешные такие платформы, когда-то была только идея, а потом это перерастает, у людей открываются какие-то каналы, на которых вещают, делятся своими мыслями, и это становится таким глобальным.. у которых там было около ста подписчиков, а потом там сто тысяч переваливало (СЗФО,м,23).

Рост вовлеченных происходит как на уровне рядовых участников, так и организаторов, инициаторов проектов.

Количество людей, которые занимаются этой сферой, увеличивается. И даже не те, которые занимаются, а просто пользователи, участники, то есть растет аудитория (СЗФО,м,23).

Уровень вовлеченности также проявляется в числе откликов, реакции граждан на информацию или призывы в рамках гражданских инициатив. Яркий пример – «Лиза Алерт», где число разовых откликов или ситуативных реакций может резко возрастать, *они там постят что-то и откликаются люди, большие отклики (СЗФО,ж,29).*

В цифровом активизме грань между интересом, вниманием и вовлечением очень тонкая – эксперты показывают, как в одних случаях жители легко ее переходят, а в других – остаются на уровне заинтересованности, но не участия.

Одно из ярких – это голосование по благоустройству территорий, где жители действительно активизируются, они начинают активно голосовать (ПрФО,ж,28).

Однако и сам факт привлечения внимания общественности к данной проблеме расценивается экспертами как индикатор эффективности.

Внимание общественности на строительство эстакады очень дорогостоящей, оно было обращено этими активистами... По крайней мере им удалось привлечь внимание общественности и поспособствовать политизации в какой-то степени (ЦФО,м,31).

Задача придачи огласки, вывода темы из скрытой для обсуждения или недоступной для большинства жителей зоны воспринимается информантами как проявление эффективности цифрового активизма.

Мы организовывали онлайн-лекцию по проблемам молодежных субкультур, было обсуждено много важных направлений, предложены пути решения. Сложно оценить эффективность, но огласку проблема точно получила, надеюсь, будут и дальнейшие движения (СКФО,ж,22).

Наконец, вовлеченность определяется и как обратная связь от граждан, подтверждение значимости тематики проекта. Это придает уверенности в правильности выбора тематики, что одновременно расценивается как эффективность в контексте актуальности, значимости для жителей – проект не оторван от реальности, «приземлен».

Это было голосование реальных граждан, живущих в нашем поселке, которые сказали,

да, действительно нам интересна эта тема, то есть они оставили какие то свои, даже данные, личные. Там молодежь подписывается, они видят все наши опросы, голосуют. Таким образом получаем реальную картинку (УрФО,ж,45).

Наиболее специфическим и узким показателем вовлеченности выступает формирование ядра активистов, волонтеров, обладающих и цифровыми компетенциями, и интересом к цифровому активизму.

Это бесплатное обучение команд молодежных и детских общественных организаций. Результат – сформирован корпус цифровых волонтеров-студентов (ПрФО,ж,52).

Эффективность как развитие: творчество и инновации

Здесь можно выделить несколько важных контекстов эффективности цифрового активизма, отмечаемых экспертами. Прежде всего, выделяется новизна, инновационность реализуемых в проекте идей, сценариев, механизмов.

В основном они проходили и были инициированы довольно интересными для моего региона сценариями, когда по факту вся активность была развернута и поднята не очень популярными активистами, и они смогли через интернет организовать достаточно большую необычную кампанию, которая несколько лет длилась (ДВФО,м,28).

Далее отмечается показатель роста масштабности и сложности задач, которые можно решать при помощи цифровой партисипации.

Само мероприятие проходит в смешанном формате, однако огромную роль играла именно длительная поддержка в онлайн-чатах, что способствовало дополнительной интеграции инвалидов в общественную жизнь. Данный форум показал, что даже с помощью онлайн инструментов можно объединять множество людей, выполнять масштабные задачи. (СЗФО,м,26).

Важным представляется и изменение самого цифрового пространства, его совершенствование, создание современных сайтов, к которому подталкивает развитие самого активизма и интереса к нему населения..

Наша группа (в социальной сети) муниципального округа выглядит очень достойно, мне приятно в нее заходить, она современная. Делают классные посты. Власти цифра очень полезна, привлекают таким образом к жизни муниципалитета, гражданской активности уже молодое поколение (ПрФО,ж,24).

Наконец, расценивая современное общество как чрезвычайно динамичное, эксперты ожидают столь же высоких скоростей функционирования и развития и внутри цифрового активизма.

Чем хорош онлайн – быстрота реакции, то есть от нас этого требуется. Сейчас весь мир современный требует быстрой реакции на события. И вот в этом случае онлайн активность очень быстро работает, очень эффективно работает (УрФО,ж,45).

Социальная эффективность и социальные эффекты

Одним из важных проявлений эффективности цифровой партисипации эксперты называют получение новых знаний, навыков, образовательный эффект от участия. При этом совместная деятельность может усиливать этот эффект: «много молодежи, прокачка навыков и мастерства, сообщество единомышленников» (ПрФО,ж,52).

Это удобно, это правильно, у людей есть доступ к информации, ты можешь не покупать миллион учебников, газет, а просто регистрироваться на сайте и изучать информацию (ЦФО,м,24).

Цифровой активизм «вторгается» в повседневные практики, предлагает поменять досуг и образ жизни.

Выставляют это все на цифровые платформы, тем самым агитируя людей и давая им возможность проводить свой отдых активно и вообще жить, так скажем, спортивным образом. Организует, конечно, их досуг (СФО,м,32).

Цифровые технологии дают возможность соединять образовательные и патриотические проекты с решением задач просвещения в сфере информационной безопасности.

Последнее время мероприятие проводится все чаще в онлайн формате, потому что нам важно интегрировать подростков в цифровую жизнь, при этом показать, как использовать онлайн форматы безопасно и направлять свою деятельность на решение важных, в том числе общественно значимых задач (СКФО,м,27).

Одним из важных социальных эффектов выступает рост узнаваемости, заметности и популярности гражданских активистов и их инициатив в СМИ. В данном случае эксперты говорят о медийности и узнаваемости цифровых активистов, регулярности освещения и формировании устойчивого внимания к их деятельности со стороны СМИ.

Они достаточно серьезной заметности добились в медиа и присутствие в СМИ, к ним приходили, в принципе их уже знали, то есть в этом я считаю большой плюс, что им удалось за достаточно короткий промежуток времени значительно раскрутиться (ЦФО,м,31).

Присутствие гражданских инициатив в цифровом формате позволяет легко соединять их с другими социальными привычками жителей, например, оставлять отзывы, лайки, комментарии в потребительской деятельности или дружеском общении.

Делают они это потому, что привыкли писать отзывы. Например, они заказывают доставку и оставляют отзыв. Люди привыкли реагировать. Ставить всякие лайки. Эта привычка давать обратную связь помогает стать не безучастными, а принимать участие, пусть и косвенно, и это полезно (СЗФО,ж,29).

Важным социальным эффектом цифровой партисипации обозначается предоставление творческих и инициативных возможностей для определенных групп населения. На социетальном уровне исследователи могут указывать на особые возможности, открывающиеся для людей из стран или социальных слоев со строгой цензурой и правилами, испытывающих высокий уровень затруднений в оффлайн практиках [\[9\]](#). На уровне конкретных проектов это может быть психологическая разрядка, возможность выразить мнение по неблагоприятным ситуациям, или высказаться стеснительным людям, интровертам и т. п.

Скорее всего это обсуждение под постами. В основном это, мне кажется, негативные какие-то темы люди любят обсуждать, негативные новости, а не позитивные (ПрФО,ж,28).

Там ребята более интроверты, они в социальной сети могут проявить себя не так, как в реальной жизни. Я конечно не психолог, но для меня эта связь все равно имеется, что когда ребенок-подросток в социальных сетях яркий, а в реальном мире себя так

проявить не может (ПрФО,ж,24).

Эффективность как диалог и развитие социального партнерства

Достаточно выраженным критерием эффективности цифровых проектов является развитие социального партнерства. Здесь эксперты говорят о пересечении интересов общественных, государственных и коммерческих структур, готовности совместно продвигать инициативы и решать социально-значимые проблемы.

У нас есть куча всяких социальных партнеров, там тоже нам помогают, размещают наши опросы в своих группах, это очень действенно. Также мы помогаем другим учреждениям, то есть мы все работаем как бы в одной связке и культура, и спорт, и молодежка (УрФО,ж,45).

Ее многие коммерческие организации продвигали, из серии «оставьте голос в поддержку каких-либо позиций, касающихся природных комплексов» (ЦФО,м,24).

Более ожидаемым, но менее упоминаемым экспертами показателем выступает сотрудничество с властью, достижение компромиссов, общих решений.

Когда гражданское общество и власть в каком-то балансе находятся, тогда это эффективно, когда власти видят какой-то запрос, который приходит от граждан из цифровой среды, то есть учатся это отслеживать, тогда, естественно, это все эффективно, все классно, это все то, что нужно (СФО,ж,31).

Здесь также следует указать такой критерий эффективности как возрастающий социальный запрос на цифровые проекты – со стороны власти, общественных движений, грантодателей

Есть очень большой запрос на создание проектов в цифровой среде на разные темы. Одним из направлений нашей деятельности является подготовка социальных проектов к защите на различных форумах для получения грантов (СЗФО,м,28).

Эксперты, рассуждая об эффективности цифрового активизма, указывают не только на положительные социальные эффекты и развитие критериев, указывающих на рост эффективности. Зачастую они воспринимают ситуацию как дуальную, в которой позитивные тренды сталкиваются с факторами и условиями, выступающими в качестве барьеров реализации и достижения полноценных результатов цифровых инициатив. Признавая, что цифровой активизм в целом и достижение его эффективности, в частности, является многофакторным процессом, эксперты стараются выделить те моменты, которые, на их взгляд, в настоящее время оказывают наибольшее сдерживающее воздействие.

Во-первых, негативные представления об эффективности цифрового активизма. N. Mata говорит о сложившемся негативном восприятии онлайн-активизма и приходит к выводу, что на самом деле он может быть более эффективным, чем люди предполагают. Она приводит результаты исследований, в которых зафиксирована связь между slackтивизмом и обменом информацией в социальных сетях, с одной стороны, и различными реальными формами гражданской активности (посещением мероприятий, участием в благотворительности и др.) – с другой [\[14\]](#). Российский и зарубежный опыт изучения онлайн-активизма фиксирует двойственность теоретических трактовок потенциала и неоднозначность оценок его практических результатов [\[4\]](#). В данном исследовании сами эксперты не всегда готовы однозначно заявлять об эффективности онлайн-форм

активизма.

В принципе, это полезно, но с другой стороны, насколько эти вещи реально могут на что-то повлиять. Вопрос все равно стоит достаточно большой в этом плане (ЦФО,м,24).

Во-вторых, тематика и сфера проявления активизма могут оказывать значимое влияние на уровень эффективности. В исследовании В. Shi было показано, что цифровой активизм в области прав человека и политических вопросов имеет меньше шансов добиться успеха, чем в области гражданского развития, а активизм, сталкивающийся с правительством – меньше шансов, чем направленный на неформальные группы или отдельных лиц [\[16\]](#). При этом привлечение СМИ в целях сотрудничества чаще всего принесло пользу цифровому активизму. По результатам опроса российских экспертов, они также видят ряд проблемных зон – дорогостоящие или важные для власти проекты, вмешательство более значимых социальных тем и др.

Возможно, не все удавалось пробить, возможно, какие-то крупные проекты, на которые власти очень хотели потратить много денег, там они были бессильны (ЦФО,ж,25).

В начале достаточно успешно у них была борьба, вроде добились огласки серьезной, что даже губернатор выступал, но потом случился Крым и как-то видимо на патриотической волне воспользовавшись этим власти все же сумели добавить вопрос (ЦФО,м,31).

В-третьих, сохраняется низкая информированность населения о цифровых технологиях и возможностях участия. Даже портал Госуслуги расценивается как недостаточно известная площадка.

Очень многие люди не знают, что в Госуслугах можно жаловаться, какие у тебя проблемы. Я замечаю, что обычно в новых районах люди, которые более молодые, они обычно больше осведомлены и оставляют какие-то жалобы (ЮФО,ж,34).

В-четвертых, обозначена проблема формализации или даже симуляции активности граждан. Эксперт представляет образ песочницы, в которой происходит имитация гражданского участия.

С другой стороны, плохо, что запрос людей остается в воздухе. Нужно, чтобы эти платформы были не просто способом занятия населения, чтобы вот как дети в песочнице играют, чтобы им дали, условно, почувствовать себя королями мира (СФО,ж,26).

В-пятых, цифровой активизм уступает оффлайн-формам в ряде вопросов, связанных с организованностью, формализацией, контролем и другими управленческими задачами. Это делает его менее эффективными при решении некоторых проблем. Например, К. Соорег выявил, что онлайн-активизм эффективен для привлечения внимания к проблеме и сбора средств, но при этом онлайн-поддержка быстро прекращается и внимание к проекту падает, поэтому цифровые проекты лучше всего подходят для быстрых и краткосрочных кампаний [\[10\]](#). Российские эксперты также указывают, что гибридный формат реализации проектов часто оказывается наиболее эффективным.

Цифровой активизм может повлиять на реальные изменения в обществе, когда участники действуют организованно. Но для достижения конкретных результатов может потребоваться комбинация онлайн-активности и офлайн-акций, т. к. некоторые решения и изменения могут требовать более формальных процедур (СКФО,ж,22).

В-шестых, эксперты указывают на небольшой по продолжительности опыт цифрового активизма, невозможность достижения высоких показателей за данный период, а также

проведения их адекватной и корректной оценки.

Прошло очень мало времени для того, чтобы вообще анализировать именно цифровые формы гражданской активности. Допустим, наш Сибирский федеральный округ – данная цифровая модель буквально существует год, два. Нет достаточного опыта организации, нет отлаженной системы, которая может способствовать успешности данных инициатив. Сегодня организациям отчитаться очень легко с помощью как раз вот этой цифровой формы, то есть снять на фотик и что то выложить. Еще неэффективные, потому что цифровой активизм идет не в балансе с традиционным, когда мы в цифре продвигаем инициативу, а потом никто не собрался и реально никого не собирал (СФО, м, 32).

Заключение. Результаты исследования позволяют говорить о цифровом активизме как новой социальной силе, обладающей высоким потенциалом повышения эффективности. С развитием цифровых технологий, социальных сетей, онлайн-платформ, сайтов и цифровых сообществ общественными движениями и инициативами можно управлять более эффективно. Цифровая партисипация становится новым организационным инструментом, позволяющим повысить мобилизацию участников, расширить масштабы мероприятий, облегчить координацию действий, ускорить реализацию проектов и принятие решений. Результаты исследования показывают более высокую оценку экспертами потенциала эффективности цифрового активизма при наличии тесной связи с традиционными формами гражданской активности. Также важно отметить, что цифровой активизм приводит к фундаментальным изменениям в социальной жизни ^[11], делает практики активизма рутинизированными и потенциально эффективными одновременно.

Выделенные показатели эффективности цифровой партисипации позволят расширить научный аппарат исследований гражданской активности в современном российском обществе, а также могут быть использованы в практиках оценивания результативности и эффективности реальных проектов, грантовых заявок, выдвигаемых инициатив и трендов развития цифровой партисипации. Перспективы изучения данной проблематики связаны с углублением представлений о социальных эффектах цифрового активизма, выявлении и сравнении критериев оценки эффективности у других субъектов-участников, а также определением механизмов повышения эффективности цифровых форм активизма и удовлетворенности их участников.

Библиография

1. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Эффективность цифровой партисипации молодежи как формы гражданской активности (пилотное исследование в Екатеринбурге) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12SCSK322.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).
2. Ермолаева П., Башева О., Ермолаева Ю. «Между виртуальным и физическим»: контуры цифрового активизма экологических некоммерческих организаций России // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21, № 2. С. 241–258. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-241-258.
3. Кузнецова С. В. Проблемы оценки социальных результатов и эффектов деятельности социальных предприятий // Московский экономический журнал. 2021. №3. С. 572-585. DOI: 10.24412/2413-046X-2021-10185.
4. Невская Т. А. Гражданский активизм как ресурс политического администрирования медиапространства: российский и международный опыт // Социодинамика. 2020. № 9. С.18–29. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.9.33869.
5. Нятина Н. В., Григорик Н. Н., Молчанов А. А. Цифровизация социально-

- политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации. Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 3. С. 167–174. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174.
6. Рождественская Н. В., Богуславская С. Б., Боброва О. С. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2016. 168 с.
7. Терзиев В. Социальное развитие и изучение социальной эффективности // SSRN, 2021. DOI: 10.2139/ssrn.4368531.
8. Шувалова Ю. А. Качественные характеристики в оценке эффективности социальных процессов организации // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Том 6, № 4. С. 419–428. DOI: 10.18334/epp.6.4.36874.
9. Cebul M., Pinckney J. Digital Authoritarianism and Nonviolent Action: Challenging the Digital Counterrevolution // *United States Institute of Peace. Special Report*. 2021. № 499. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2021-07/sr_499-digital_authoritarianism_and_nonviolent_action_challenging_the_digital_counterrevolution.pdf (дата обращения: 17.11.2023).
10. Cooper K. The Effectiveness of Online Activism: Who It Is Effective for, What Issues It Is Effective for, and What Time Period It Is Effective for // *Political Science*. 2023. № 42. URL: https://scholarsarchive.library.albany.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1042&context=honorscollege_pos (дата обращения: 19.11.2023).
11. Herawati A. R., Marom A., Widowati N. Digital Activism. A New Way of Social Movement in the Digitalization Era // *Proceedings of the Fourth International Conference on Administrative Science (ICAS 2022)*. 2023. P. 458–470. DOI: 10.2991/978-2-38476-104-3_44.
12. Kligler-Vilenchik N., Literat I. Youth Digital Participation: Now More than Ever // *Media and Communication*. 2020. Vol. 8, № 2. DOI: 10.17645/mac.v8i2.3180.
13. Leighton D., Wood C. Measuring social value: the gap between policy and practice. London: Demos, 2010. URL: <https://www.a-n.co.uk/research/measuring-social-value-gap-policy-practice/> (дата обращения: 17.11.2023).
14. Mata N. Slacktivism: Are We Falling for It? // *JOUR 335: Journalism Research Methods*. 2020. URL: <https://static1.squarespace.com/static/608f4796ca0ecb13d35de53f/t/60934a7b9c45170ddca887e4/1620265596048/Slacktivism.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).
15. Pantić M., Colic N. Digital participation framework for mountain areas in Serbia // *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2023. № 19(68E). P. 78–95. DOI:10.24193/tras.68E.5.
16. Shi B. Success of Digital Activism: Roles of Structures and Media Strategies // *Silicon Valley Notebook*. 2016. Vol. 14, Article 6. URL: <https://scholarcommons.scu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=svn> (дата обращения: 18.11.2023).
17. Wilson A., Tewdwr-Jones M. Digital Participatory Planning. Citizen Engagement, Democracy, and Design. New York: Routledge, 2021. 310 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются критерии и факторы эффективности цифрового активизма в оценках экспертов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы теоретические методы, в том числе дескриптивный метод; метод категоризации; метод анализа, а также при подготовке статьи были использованы методы глубинных интервью с экспертами, включенными в процесс цифровой партисипации молодежи, а в качестве дополнительного метода был использован кейс-анализ краудсорсинговых платформ для решения актуальных социальных проблем.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку цифровое участие активно вошло в жизнь современного человека. Партисипаторные практики развиваются в образовательной, управленческой, политической, градостроительной сферах. Исследователи разных стран обращают внимание на вопросы доступности и эффективности новых технологий – от использования цифровых приложений до цифровых игр по городскому планированию. Проблематика научных дискуссий разворачивается по вопросам изменения под влиянием цифровизации интенсивности участия граждан, улучшения общественного понимания и роста внимания к социальным проблемам, изменения коммуникационных технологий взаимодействия власти и общества и ожидаемых последствий этих трансформаций. Такая ситуация стала объективной реальностью в современном социуме.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике серии из 32 глубинных интервью с экспертами, включенными в процесс цифровой партисипации молодежи. В качестве экспертов были привлечены 16 информантов в области цифровизации, представители структур, обеспечивающих взаимодействие граждан с органами власти и местного самоуправления, преподаватели вузов, политологи, представители молодежных направлений политических партий (репрезентирующих модель изменения «сверху вниз»), а также 16 экспертов, репрезентирующих модель изменения «снизу вверх»: гражданские активисты в различных сферах (спорт, молодежные фестивали, образование и др.), представители молодежных организаций и движений, активисты гражданских площадок в Интернет.

Статья написана языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования изложения позиций некоторых ученых к изучаемой актуальной проблеме, а также описанием и анализом проблемных ситуаций.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает введение, методологию исследования, основные результаты, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, представленное в статье решение задачи оценки эффективности цифрового гражданского активизма реализовано в исследовании через выделение трех последовательных логических подзадач, а именно определение эффективности социальных процессов, эффективности гражданских инициатив и эффективности онлайн-форм активизма.

Библиография содержит 17 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения разных ученых, характеризующих некоторые аспекты цифровизации интенсивности участия граждан в различных социальных процессах, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой как в России, так и в других государствах.

В представленном исследовании содержатся основные выводы, касающиеся предметной

области исследования. В частности, как отмечается, выделенные показатели эффективности цифровой партисипации позволят расширить научный аппарат исследований гражданской активности в современном российском обществе, а также могут быть использованы в практиках оценивания результативности и эффективности реальных проектов, грантовых заявок, выдвигаемых инициатив и трендов развития цифровой партисипации. Перспективы изучения данной проблематики связаны с углублением представлений о социальных эффектах цифрового активизма, выявлении и сравнении критериев оценки эффективности у других субъектов-участников, а также определением механизмов повышения эффективности цифровых форм активизма и удовлетворенности их участников.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, государственным и муниципальным служащим, экспертам по вопросам цифровизации, политикам и аналитикам.

В качестве пожелания и рекомендации по данному исследованию следует отметить, что возможно было бы для обеспечения наглядности материала использовать рисунки и табличные формы, а также обратить внимание на требования действующего ГОСТа библиографических описаний при оформлении источников в библиографии, особенно это касается электронных ресурсов. Данные рекомендации не снижают высокой научной значимости самого исследования, а в большей степени относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.